

Он был вполне доволен, ведь это лучше, чем полная тьма, где невозможно отличить день от ночи.

Лэ Цяньцю протянул белую шёлковую ленту шириной в три пальца:

— В начале восстановления зрения не следует подвергать глаза яркому свету, поэтому надень эту повязку. В дальнейшем лечение будет заключаться в основном в паровых процедурах. Через месяц туман перед глазами исчезнет.

— Благодарю вас, великий врач Лэ! — Янь Були искренне поблагодарил и наложил повязку на глаза.

Хуа Усинь с недовольным видом положил вещи за дверь, хмуро отсчитал оставшиеся девяносто медяков и передал их Линь Цзыюю:

— Это плата за лечение, а также забытые тобой белые плоды и аптечка.

Подняв голову, он с удивлением заметил, что лицо мужчины покрыто синяками и ушибами.

— Я же не бросал так сильно... Как ты умудрился так избиться?

Линь Цзыюй с дрожью в голосе и слезами на глазах ответил:

— Это не из-за вас, я просто неудачно упал...

— О, падение было довольно... равномерным, — Хуа Усинь не стал дальше раздумывать, повернулся и, поддерживая свою госпожу, вышел из бамбуковой беседки.

Зелёный бамбук склонялся к воде, зеркальная поверхность озера отражала изумрудную зелень. Заросли османтуса и цветы украшали путь, а узкая бамбуковая тропинка вела вглубь, где две изящные фигуры медленно шли.

Янь Були, хотя и был с завязанными глазами, чувствовал себя прекрасно, ведь зрение начало возвращаться. Вдыхая свежий аромат бамбука и слушая щебетание осенних птиц, он излучал спокойствие и умиротворение.

Хуа Усинь же, напротив, понуро опустил голову, погружённый в свои мысли.

— Эй, а почему представители Секты Врат Преисподней до сих пор не появились? Неужели они ещё не получили известие?

— Разве Лэ Цяньцю стал бы лечить меня, если бы это было не так? — Янь Були покачал головой и усмехнулся. — Сто медяков за такое лечение? Ты думаешь, Павильон Ледяного Сердца — это благотворительная организация?

— Но если Секта уже подтвердила твою личность и проделала все необходимые приготовления, почему они до сих пор не связались с тобой?

Янь Були нахмурился:

— Этого я тоже не понимаю. Цзян Мочоу, хоть и была главой, теперь лишена силы. Путь Демонов никогда не отличался сентиментальностью, и она вполне могла стать ненужной.

Хуа Усинь цыкнул:

— Тогда это ещё более странно. Кто бы стал тратить такие сокровища, как Жемчужина крови феникса и Лотос чёрного сердца, на того, кто больше не представляет ценности? Это же чистейшее разорение!

— Или... — Янь Були внезапно остановился и медленно произнёс:

— Они сомневаются, действительно ли я Цзян Мочоу...

Изобразить человека, потерявшего память, было не так-то просто. Тем более что он был мужчиной, и его поведение и манеры выдавали его с головой. Если кто-то из Секты, кто хорошо знал Цзян Мочоу, разоблачит его, то он действительно окажется в ловушке.

— Если ничего не выйдет, притворись сумасшедшим. Ведь никто не знает, какие последствия могут быть после Обращения Неба и Земли вспять, — Хуа Усинь дёрнул его за рукав и, слегка кашлянув, добавил:

— Обсудим это позже, к нам кто-то идёт.

Среди сосен, шелестящих на ветру, и хризантем, увядающих под дождём, в глубине леса, окутанного туманом, появился человек. Он пробирался сквозь траву, поддерживая бамбук, и шагал по цветам. Его чёрные рукава с узорами облаков, глубокие глаза и чёрные волосы делали его похожим на духа или демона.

— Кто это? — тихо спросил Янь Були.

Хуа Усинь, скрипя зубами, ответил:

— Этаким яркий и коварный чёрный волк...

Чи Юэ остановился в шаге от двух женщин и с улыбкой произнёс:

— Прошу прощения, леди, но осенние пейзажи здесь столь прекрасны, что я не могу удержаться. Могу ли я составить вам компанию?

Хотя его слова были вежливы, он уже подошёл ближе.

Трое идут, и среди них обязательно есть тайная связь.

Хуа Усинь оглянулся на волка и, видя, что тот молча следует за ними, не сводя глаз с Янь Були, не удержался от вопроса:

— Сэр, вы хотите что-то сказать моей госпоже?

— Ах, да, есть дело, — Чи Юэ остановился и достал из рукава большой пушистый комок.

— Пи-пи! — белка, висящая вниз головой, сердито закричала на него.

Янь Були, услышав звук, вздрогнул:

— Это мышь?

— Это белка из Обитали лазурного журавля. Она кажется очень умной, поэтому я поймал её. Ведь девушки любят животных, не так ли?

Чи Юэ только произнёс это, как Янь Були почувствовал, как что-то пушистое заползло на его руку.

— А-а-а-а!

Красавец Янь подпрыгнул на три фута вверх, крича и размахивая рукой...

Старший сын семьи Янь с детства был смелым и бесстрашным, готовым отдать жизнь за честь, но только не за этих пушистых тварей! Увидев мышь, он мог запрыгнуть на крышу, и это всегда было позором для Четырёх волков цзянху.

Хуа Усинь, зная о его фобии, попытался поймать белку, но та оказалась слишком проворной, юркнула вверх и забралась под одежду.

— Чёрт, она залезла мне на грудь! Помогите вытащить её!

Белый красавец в отчаянии кричал, прижимая руку к груди.

Хуа Усинь бросился на помощь, пытаясь найти белку.

— Куда она делась? Очень щекотно... Чёрт, она спустилась ниже!

Янь Були был на грани паники.

Хуа Усинь начал торопливо срывать с него одежду, и пояс с верхней одеждой разлетелись, как лепестки цветов.

Чи Юэ застыл на месте.

После долгих усилий они наконец нашли непослушную белку. Хуа Усинь вытащил её за хвост из рукава и, указывая пальцем, выругался:

— Чёртов зверь, как он умудрился забраться туда... Это самец?

Янь Були к этому времени был уже полуголым. Пояс спал, верхняя одежда распахнулась, обнажая белоснежный корсет, и он выглядел одновременно соблазнительно и невинно. Особенно с белой повязкой на глазах, что добавляло ему загадочности.

Чи Юэ вдруг почувствовал, как стало жарко.

Если бы это была женщина, она бы уже кричала и бросалась в реку от стыда. Но молодой господин Янь даже не заметил этого, продолжая кричать в панике:

— Хуа Хуа, выбрось эту штуку подальше!

Выбросив белку в траву, Хуа Усинь обернулся и увидел, что кто-то пристально смотрит на его полураздетую госпожу. Он быстро встал между ними, разозлившись:

— Старый развратник, на что ты уставился?!

Чи Юэ: [...]

Хуа Усинь, недовольный, начал поправлять одежду Янь Були, продолжая ворчать:

— Я знал, что ты, распутник, не с добрыми намерениями пришёл! Специально принёс белку, чтобы поиздеваться над моей госпожой!

Чи Юэ почесал нос и с улыбкой ответил:

— Честно говоря, я не ожидал такого... неожиданного удовольствия.

— Удовольствия твоей бабушке!

— Да, да... Я был неосторожен, прошу прощения, леди.

Янь Були тоже не был в восторге от этого человека, встряхнул рукава и холодно сказал:

— Ладно, незнание не порок.

Хуа Усинь, стоя сзади, был недоволен и шепнул ему на ухо:

— Ты что, дурак? Надо было потребовать компенсацию за моральный ущерб! Этот развратник явно богат.

Чи Юэ внезапно сделал шаг вперёд и серьёзно заявил:

— Чистота девушки — это святое, и я готов взять на себя ответственность за леди.

Янь Були махнул рукой:

— Настоящий мужчина не обращает внимания на мелочи...

Затем он понял, что что-то не так, и, стиснув зубы, добавил:

— Женщина цзянху тоже не обращает внимания на мелочи...

— Женщина цзянху? — Чи Юэ пристально посмотрел на него. — Ты что-то вспомнил?

— Нет, ничего... — Янь Були покрылся холодным потом.

Чи Юэ сделал ещё один шаг вперёд, почти прижавшись к нему:

— Или ты вспомнил, но не хочешь признаться?

— Эй, эй, что ты делаешь? Мужчины и женщины не должны быть так близки! Отойди от моей госпожи! — Хуа Усинь размахивал руками, пытаясь разнять их.

Чи Юэ, почувствовав запах духов, отступил на шаг.

Хуа Усинь, почувствовав, что он одержал победу, вдруг ощутил, как его поясницу слегка кольнуло. Затем его подняли и, лёгким движением руки, бросили в пруд, находящийся в трёх шагах от них...

На берегу бамбуковой рощи белая женщина отступала к воде, преследуемая мужчиной.

— Ты... что ты задумал?

Янь Були почувствовал неладное. Этот человек со странным характером и выдающимися боевыми навыками, неужели он собирается взять его силой? Я не хочу, чтобы меня трахали мужчины!

Чи Юэ ничего не сказал, лишь снял белую повязку с лица Янь Були.

Звонкий крик разнёсся по небу, стая журавлей взлетела в воздух, и перед ним предстало лицо невероятной красоты.

Янь Були ошеломлённо смотрел в глубокие, как омут, глаза и почувствовал, как сердце его замерло: «Мать моя, на свете есть мужчина красивее меня...»

Они стояли так близко, что чувствовали тепло друг друга.

Янь Були закрыл глаза и, стиснув зубы, произнёс:

— Этот... господин, хоть мы и не знакомы, но встреча — это судьба. Я много ел за ваш счёт, и отдать себя в качестве долга тоже можно... Но здесь, в глуши... Может, перенесём это в другое место?

Он решил пойти на всё. В постель — пожалуйста, но только не на природе!

<http://bllate.org/book/15303/1352334>